

Алла Юрасова СИМФОНИЯ, ТРУДНАЯ К ИСПОЛНЕНИЮ ЭЛЛОЧКА, ТАЛОЧКА И МАРОЧКА сага

«Без памяти нет культуры. Без памяти не было бы ни цивилизации, ни общества, ни будущего».

Эли Визель, писатель и бывший узник Освенцима.

«Любовь это основное свойство в мироздании, единственное положительное свойство, которое движет и управляет миром, связывая все его части».

Каббалист М. Лайтман.

Хочется начать с заключительных аккордов. Так интересно знать, чем закончится повествование. Мне самой любопытно, поскольку я не имею ни малейшего представления об окончании действия. Финал – для меня загадка. Куда уведёт фантазия, по каким горам, равнинам, оврагам пройдёт маршрут, ведущий моих героев? Каждому предопределена нить Ариадны; прокладывая путь,

она ведёт нас долгими жизненными тропами. Ступая босыми ногами, ощущая каждый острый камешек, бугорок или впадинку, человек надеется: на дороге встретятся мягкие лепестки роз и никаких шипов не уготовано. Нить Ариадны, пролегая гладкими отрезками, запутанными клубками, рваными нитями, все же приведёт к месту, небольшому саду под названием «Эдем», где Бог раздаёт счастье. Сколько непреодолимых препятствий возведёт мое воображение на и так сложном пути? Найдутся ли у моих героев силы превозмочь неприятности, проблемы, горе и беды? Где ты, сад Эдем? Кто дойдёт до твоих чертогов?

*– Ангелы-хранители! Прошу!
Летите быстрыми птицами,
охраните моих дорогих сердцу
девочек, не дайте сгинуть в кошмарах
лютых моим троим Володенькам.*

*Если с кем-нибудь из них
случится страшная беда, что Я буду
делать? На что годится дерево со
сломанными корнями?*

*Ангелы хранители! Не лишайте
судьбы, предначертанной мне свыше.*

Как часто, прочитав с десяток страниц, не можешь удержаться.

Открываешь предпоследний лист, мечтая

познакомиться с финалом. Любопытство подталкивает, подгоняет. Руки от нетерпения легонечко подрагивают. Глаза лихорадочно начинают бегать по строчкам.

Вот! Вот оно! Развязка близка...

И только некоторые, самые стойкие и выдержанные читатели захлопнут книгу, отложат в сторону. Возьмут себя в руки. Читают страницу за страницей от начала и до конца скорбноисторического, иногда слишком витиеватого, грустного и саркастически-смешного, довольно трагического рассказа о близких мне людях. Страшные судьбы, невозможные любви, радость рождения, горькие утраты послужили сложным переплетением мелодий для моей симфонии.

Знаю, обычно начинают с увертюры.

«Увертюра (от фр. *ouverture*, вступление) – оркестровая пьеса, исполняемая перед началом представления. Выражает основную канву музыкального повествования.

Подготавливает слушателя к предстоящему действию».

Итак.

Увертюра

Оркестр звучит радостно. Музыка настраивает

на долгий рассказ о разных и всё-таки похожих судьбах трех женщин.

Мягкие, ласковые, плавные звуки начинают повествование о рождении в трёх семьях девочек, моих главных героинь.

Параллельно звучащая, слегка пессимистичная мелодия рассказывает о трёх семьях, в которых рождаются мальчики, герои этой истории. Минорное пьяно, набирая глубокое, печальное звучание всего оркестра, перетекает в форте, слышатся скрипучие, резкие ноты. Слушателей поглощает мелодика сталинского мракобесия.

Музыка повествует о трагедиях и горестях, постигших все, без исключения, одесские семьи, а также практически все семьи бескрайнего Советского Союза.

Несчастья и злополучия различаются мощностью их вторжения в живую плоть, в человеческую душу. Ядовитые черви вгрызаются в охваченные священным восторгом умы.

Каждый восхищён Великим вождем, дорогим товарищем Сталиным. Одурманенные, оболваненные люди верят. Их вера перерастает в истеричную преданность большевистскому вождю. Мотивированное, монотонное безликое пение.

Попраны святыни, низвергнуты постулаты,

извращены человеческие ценности. Взгляды постепенно мутнеют, души черствеют.

Существующая светлая сторона сморщивается, усыхает, обезвоживается. Но светлая сторона всё же есть. Она не сдаётся, светлая сторона никогда не сдаётся. В тайных закоулках прячется, в тех душах хоронится, где сбереглись крупички разума, осколки порядочности, пламя свечи. Свет вступает в противоборство, напитывается тоненькими ручейками, наполненными надеждой, любовью, счастьем.

Зло ни за что не сможет уничтожить свет. Сатана, без сомнения, будет повержен. Сколько бы ад не засылал своих падших ангелов, свет всегда победит. Во веки веков так было и так будет.

Увертюра оставляет надежду в сердцах слушателей. Но светлая лирическая мелодика еле просматривается через густосплетенную печаль напева злосчастной Мельпомены, главной темы музыкального произведения. Извечная борьба света и тьмы оставляет в каждом сердце надежду, мечту. Яркую, свежую, насыщенную мечту, спрятанную под чёрным плащом пугающей ночи.

Глава первая. ЭЛЛОЧКА

Рождение девочки в голодном тридцать пятом году принесло некоторые сложности. Отцом

новорожденной Элочки был известный одесский раввин, знаток Торы, уважаемый в городе человек. Оскар-Ушер проводил почти всё время за молитвами, изучением Талмуда в своей маленькой синагоге на окраине города.

В те далёкие послереволюционные годы в Одессе оживилась еврейская общественная жизнь. Стало легче дышать. Было открыто много синагог и молельных домов.

Появились общедоступные школы, где дети изучали идиш и иврит. Издавались газеты на еврейском языке. Половину населения Одессы составляли евреи.

В некоторых судах и отделениях милиции одним из основных языков был идиш. Люди спокойно общались на родном, понятном языке. Всем казалось: вот ещё чуть-чуть – и наступит всеобщее благоденствие.

Предвкушение сладости на кончике языка. Надежда распускалась экзотическим, загадочным цветком. Человек поднимался с колен, прочно, сытно становился на ноги. Душа

получила завёрнутый в блестящую бумагу подарок. В тридцатых годах открылся Одесский еврейский театр в помещении по улице К. Либкнехта, 48.

Руководили театром попеременно Михаил Рубинштейн, Евгений Венгре, Эфраим Лойтер. Талантливые режиссёры ставили спектакли на идиш, русском и украинском языках.

Еврейские девочки ходили в школу, находившуюся в парке Ильича. У центрального входа была такая пристройка слева. После войны там был летний театр, а до войны – еврейская школа для девочек. Об этом мне рассказывала моя тетья.

Всеобщая грамотность правильный лозунг Советов. Все дети посещали учебные заведения, учились читать, считать и писать. Вот оно, Счастье! Или нечто очень похожее на счастье?

Уклад жизни евреев состоял в постоянном обучении. Не существовало ограничений для желающих получить образование. Еврею учиться – значит становиться лучше. Тот, кто не стремился

*изучать новое, усовершенствовать
познанное, терял уважение
единоверцев. Путь постижения –
путь света и добра, он вёл к
повышению человеческой
нравственности. Каждый еврейский
ребёнок знал, как важно учиться.
Человек, обладающий обширными
знаниями, свободно мыслил. Умение
мыслить самостоятельно,
изнуряющий поиск истины,
необходимость докопаться до самой
сути – черты, характерные для
еврейства в целом, повлекли за собой
создание фундамента, давшего миру
столько великих еврейских умов:
философов, математиков, физиков,
политиков, учёных, сделавших
выдающиеся открытия в области
медицины. И, конечно же,
шахматистов, музыкантов,
художников и поэтов.*

Я знаю о них, и вы знаете о них.

Все богатое Еврейское сообщество, нарядно одетое, с детьми и родителями, каждую субботу посещало синагогу Бродского на улице Жуковского, построенную евреями из местечка Броды в 1863 году, или большую синагогу на улице Еврейской, возведенную в 1859 году.

Величественное здание с внушительными полукруглыми окнами, построенное по проекту знаменитого архитектора Ф. А. Моранди.

Для простых людей в 1890 году под Пересыпским мостом построили синагогу «Нахлас Элизер». Её посещали биндюжники и грузчики, работавшие в порту.

В середине тридцатых на окраинах Одессы повсюду возникали небольшие молельные дома.

Вот в одной из таких маленьких синагог раввин Оскар-Ушер проводил уроки изучения Талмуда, потому что Тора – не столько философия, сколько образ жизни евреев.

Раввину приходилось самому выполнять много различных функций: он молился за кантора, читал свиток Торы; выполнял обязанности шойхета, делал обрезание; следил за кошерностью пищи.

Оскар-Ушер прошёл все ступени обучения, необходимые еврейскому талмудисту. Религиозный молодой человек достиг высочайшей степени образованности, совершенствуя знания, повышая ученость. Оскар-Ушер, уважаемый раввин Одессы был женат на Сарре Аккерман.

Благополучие болезненного вида, тщедушного раввина состояло из нескольких разных частей счастья.

Найпервейшее счастье – изучение, познание, красоты Тору и мудрости её заповедей. Счастье – возможность находиться близко к Всевышнему, разговаривать с Ним, произнося ежедневную молитву.

– Слушай, Израиль: Господь – Бог наш, Господь един! – прикрыв рукой глаза, проговорил негромко Оскар-Ушер.

Затем произнёс шёпотом:

– Благословенно славное имя царства Его во веки веков! Люби Господа, Бога твоего, всем сердцем своим, и всей душою своею, и всем существом своим, и будут эти слова, которые я заповедал тебе сегодня, в сердце твоём, и повторяй их детям своим...

Оскар-Ушер решил непременно стать счастливым человеком. Он осознавал: перво-наперво необходимо выяснить своё предназначение.

Поразмыслив, что на самом деле важно его душе, пришёл к выводу: главное – служить Ему. Это и есть конечная реализация своего предназначения.

Цель в том, чтобы все, из чего состоит жизнь Оскар-Ушера, связывалось с Творцом. Молодой талмудист понимал: у человека существует важная потребность идентифицировать себя не с подобными себе, не с людьми такими же, как он

сам, а с чем-то более возвышенным и великим, более значимым, чем сами люди.

Человек стремился сравнить себя с Всевышним, поскольку создан по образу и подобию Божьему. Вот на кого необходимо равняться Адаму и детям его – творениям неба.

Другая часть счастья, согласно еврейской Традиции, состояла из любви к жене. Ребе ужасно гордился своей хрупкой, утонченной, очень деятельной Саррой. Многие женились на тех, кого выбрали родители. Отец с матерью, подыскивая пару своему отпрыску, надеялись приумножить благосостояние семьи. Такие несущественные категории как любовь мало кого волновали в те времена. Не всегда в таких семьях случалось счастье. Им повезло, Оскар-Ушеру и Сарре. Они сами сделали свой выбор, сами нашли друг друга. Сироты, кто им поможет?

Все в руках Божьих. Их свела судьба в длиннющей очереди за хлебом. Так Оскар-Ушер встретил свою будущую жену.

Девушка обернулась, увидела вдавленного в её спину скромного еврейского молодого человека.

– Вы расплющите мои бёдра, нельзя ли увеличить дистанцию? – смеясь, спросила шутница.

– Я никак не могу сдвинуться, такая давка, простите, – краснея, пробормотал вконец

сконфуженный молодой человек.

Она смотрела агатовым взглядом волшебных, бездонных, немножечко печальных глаз. И все же в них резвились весёлые огоньки. Девушка воображала, что, опуская тяжелые ресницы, непременно сумеет спрятать жизнерадостный блеск.

Чёрные густые ресницы не спасали, и она посылала невидимые сигналы, пронизывающие Оскар-Ушера насквозь. Сигналы – сродни посылам Бога, в них ощущалась Его власть над людьми, связывающая этого мужчину с этой женщиной, сшивая двоих суровыми нитками, иногда слишком суровыми, зато крепко.

Вчера ещё незнакомых, а сегодня соединённых на веки вечные для любви, для преданности и продолжения рода человеческого.

В толкотне, царившей в нескончаемой очереди, Оскар-Ушера слишком сильно прижали к худенькой девушке, стоящей перед ним. Аромат, исходивший от блестящих кос, космическим магнитом притягивал, не отпускал.

Хотелось обнять девушку и никогда не отходить от неё ни на единый шаг. Но это было уже непозволительно.

Коснувшись ненароком легкой руки Сарры, будущий раввин вдохнул опьяняющий нектар. На

дворе – безразличная зима, белая, жестокая, равнодушная. Нескончаемыми морозами безжалостно выстуживает город, насквозь продувает колючими, снежными, по-одесски влажными ветрами. От того петроградские минус 35 легче перенести, чем одесские плюс 5.

Холод собачий пробирал до мозга костей. Люди в очереди тряслись, топтались на месте, зажатые со всех сторон, дрожали, не могли согреться. Со стороны создавалось впечатление совместного исполнения ритуального танца африканского, второго по многочисленности, племени зулусов.

Оскар-Ушер, бледный от постоянного недоедания голодного тридцать четвёртого года, ощутил слабость внизу живота и одновременно чувственную силу, проникшую в самую глубину сердца. Согрелся за долю секунды. Да и Сарру бросило в жар.

Вне всякого сомнения, Господь определил их парой, освятив своею милостью. Все присутствующие так были поглощены проблемой доставания хлеба насущного, что никто и не заметил луч света, падающий с поднебесной выси, играющих в столбе серебристых пылинок. Свет поглощал эту парочку, обалдевшую от

неожиданности происходящего.

Отодвинуться от Сарры хоть на сантиметр не получалось из-за царившей толкотни. Как порядочный человек, Оскар-Ушер обязан был жениться. Так он привёл в свой скромный дом Сарру.

Раскосые, антрацитовые глаза Сарры могли ввести в заблуждение кого угодно. Если бы люди не знали её родителей и многочисленных родственников из некогда большой и зажиточной еврейской семьи Аккерманов, наверняка посчитали бы девушку узбечкой.

Смоляные полновесные косы, заострённый подбородок, просто восточная красота. Девушка из интеллигентной, уважаемой семьи.

Отец окончил Швейцарскую инженерную школу. Мама также училась в Швейцарии, там и познакомилась с будущим мужем. Взгляды в семье бродили вольные, перенасыщенные европейской демократией.

Сарра в революционном огнедышащем вареве потеряла всех своих близких. Осталась легким колоском, не имеющим прочных корней, в ураганной жизни. Не на кого опереться, никто не подставит плечо. И тут такое счастье: встреча с Оскар-Ушером.

Она потянулась к нему всем естеством, жимолостью обняла, красно-жёлтыми цветами раскрасила долю глубоко верующего человека. Он заглянул в тёмные, как южная ночь, глаза девушки, а в них – одиночество и печаль. Оскар-Ушеру захотелось согреть сиротливый стебелёк.

– Будь моей женой, Сарра. В глазах твоих пряная одесская летняя ночь. Руки твои, лебединые крылья, губы твои сладкие, спелые вишни, – попробовал посостязаться с Песнью песен влюблённый Оскар-Ушер.

– Знаешь что, Оскар-Ушер? Я стану твоей женой. Рядом с тобой хорошо и сладко моей душе. Рожу тебе много детей. Будем окружать тебя теплом и заботой.

С высокого синего неба полился сладкий, умиротворяющий свет. Творец глянул на эту парочку и улыбнулся. Не все Ему радовать, иногда неплохо порадовать и Его.

– Ты всенепременно станешь хорошим раввином, – сказала Сарра, – Я буду помогать всем, чем смогу. Единственное желание – тобой гордиться. Дети, которых рожу, озарят нашу жизнь веселым смехом, радостными криками. Наполнят дом содержательной жизнью – в заботах, преданности и светлой вере в Творца. Как я счастлива. Люблю тебя.

– Сарра, моя красавица! Цель существования для меня на земле – служение Властелину мира. Стать раввином – светлая надежда всей жизни.

Молодая женщина переступила порог, почувствовала: этот дом – её крепость, засучила рукава, привела квартиру в полный порядок. Отмыла, отчистила, подкрасила.

Законопатила щели в окнах, заложила ватой и заклеила белыми полосками, вырезанными из старых газет. Выгнала из жилища холодный, разгульный ветер.

Стало уютно и тепло. В доме запахло наваристым бульоном из курочки, картофельным пюре с гусиными шкварками и зажаренным лучком, штруделем с орехами, яблоками и корицей.

Оскар-Ушер, если не читал Талмуд, то любовался, как ладно спорилось дело в руках его работающей жены.

– Моё сокровище, – говорил он Сарре. Благословен тот, кто послал тебя в мои объятия. Неприкаянная жизнь до встречи с тобой растаяла в любви и тепле.

– Оскар, да ты поэт, мастер лирического слова. Повезло мне, однако, – заулыбалась Сарра. Улыбка приоткрыла темные, горящие губы, шкодливые белоснежные зубки блеснули. И всё.

Оскар-Ушер ни о чем другом думать не мог. Только сладкий мёд игриво усмехавшегося ротика, призывный переливчатый смех. А, что? Бог повелел:

– Размножайтесь. Стало опять жарко...

Сарра после окончания школы поступила в Еврейский техникум. Молодая девушка изучала идиш, Тору, получила специальность учителя еврейского языка. Собиралась обучать девочек. Но... До 1935 года все, или почти все, шло потихонечку. Оскара-Ушера пригласили раввином в небольшую синагогу. Счастье приходит к тем, кто долго и упорно прокладывает ему, счастью, дорогу.

Шквальные ветры завывали, задули. Для сентября диковатая погодочка. Золотистая листва, сорванная порывами урагана, металась по городу в поисках солнечных лучиков всю неделю невидимого, скрытого толстыми, грубыми чёрными тучами светила. Через три дня после появления на свет дочери ребе Оскар-Ушер остался без моельного дома. Двери синагоги заколотили досками.

Вскорости закрыли газеты, затем еврейские школы. Мечта рухнула песочным замком от набежавшей высокой волны. Расплылась, слилась с общей массой песчинок. Сарра после родов так и не

пошла работать. Некуда, да и не брали.

Идиш стал языком *non grata*.

Советская власть начала борьбу с религиозным мракобесием, сионизмом и еврейским шовинизмом.

Приступила к баталиям против всех и каждого и в других направлениях. Одно объединяло все вектора – цель. Уничтожение, искоренение.

Сталинская свора за короткий срок отправила в ГУЛАГ более 18 миллионов граждан Советского Союза. Из этих 18 миллионов почти 2 миллиона из лагерей так и не вернулись. Это вам не два миллиона, это четыре, шесть, восемь, десять миллионов людей утопленных, растворявшихся в горе.

Расстреливали, скидывали в огромные ямы, посыпали хлоркой, закапывали. Тех, кто рыл ямы и закапывал, расстреливали, бросая трупы в соседнюю яму. Четко отлаженный процесс. Безотходное производство.

Сталинская коллективизация привела к голодной смерти около 5 миллионов человек. Всего один росчерк пера – и нет 5 миллионов. Волосы становятся дыбом от статистики, волчьей пастью вгрызающейся в моё сердце.

Для меня пять миллионов – не просто цифра, для меня пять миллионов – реально существующие

люди, каждый отдельно взятый человек, мои родственники, семьи друзей, соседи моей бабушки.

2018 год. Загубленные души стоят в Москве у могилы Сталина и любуются, как добрые и чуткие москвичи несут огромные охапки красных гвоздик на пьедестал великому вождю Иосифу Виссарионовичу Сталину. Я знаю, кто эти люди, оплакивающие давно сдохшего нелюдя. Это дети сталинских палачей, советскофашистских катов. Гореть им вечно в аду, в обнимку с Лениным-Сталиным. Более 800 тысяч человек были уничтожены во время сталинских чисток в 1937-1938 годов, по всей территории Империи зла. Зверь никак не мог угомониться. Борьба лютая, «лес рубят, щепки летят». Рубили не лес, а жизни, сердца, судьбы людей. Не щепки летели, сломанные кости летели, кровь летела багрово-тяжёлыми брызгами во все стороны.

Руки по локоть в крови. Верные ленинцы, сподвижники Сталина отмывали ладони простым хозяйственным мылом. Отмыть руки

по локоть в крови обычное дело. Все просто, буднично. Словно ничего особенного не происходило.

Тридцать пятый – год радости. У Оскар-Ушера и Сарры родилась девочка, черноглазая Эллочка, лисичка с узким подбородком, похожая на мать. Ребе, не в силах скрыть счастье, бесконечно целовал-обнимал Сарру, носил на руках Эллочку.

Ребёнок не доставлял особого беспокойства. Малышка ела хорошо, ночью сладко спала. Но семейная идиллия закончилась, не успев толком начаться.

Тридцать пятый год стал годом трагедии, со всеми прилагаемыми к ней бедами, из-за закрытия синагог и школ. Денег в семье совсем не было, есть почти нечего. А так всё замечательно.

Свиток Торы, несмотря на происходящий беспредел, удалось вынести из синагоги и спрятать в специальном месте, в дровнице для печи, рядом с которой стояла детская люлька, в ней плакала крошечная Эллочка. Ребе успокаивал малышку, гладил крошечное тёмное, круглое пятнышко на узком подбородке дочери.

Евреи, когда-то посещавшие окраинную синагогу, поддерживали своего раввина и его

семью, как могли. Самим еле удавалось свести концы с концами.

Кто кусок сливочного масла в пергаментной бумаге принесёт. Кто – желтую, вскормленную кукурузой, курицу на бульон и котлетки, кто – кусочек телячьего мяса на кисло-сладкое передаст Сарре. Рыбаки приносили свежую рыбу с утреннего улова. Ребе подолгу беседовал с посетителями в своей маленькой комнатке на втором этаже по улице Чичерина, угол Свердлова.

Щербатый Додик, продавец в булочной напротив, пришёл за советом:

– Ребе, как мне жить, все думаю, гадаю, хочу разбогатеть, построить себе большой дом на Слободке, взять богатую красавицу жену. Ничего придумать не получается. Настроение паршивое, тоска зелёная.

– Богатство не там где много денег, богатство – доброта и щедрость души. Попробуй подумать о других, – говорил Додику Оскар-Ушер. – Так нас учит ребе Леви-Ицхак Шнеерсон, правнук третьего Любавичского ребе (и отец будущего седьмого Любавичского ребе, высоко почитаемого Менахем-Мендла Шнеерсона):

Плоды прекрасного сада

«Есть люди, которые творят много добра, но делают это с тоской, потому что воспринимают мир как изначально нехорошее место.

Они делают добро, но без света и жизненной силы – без энтузиазма.

Кто знает, сколько оно продержится?

Нам следует понять, что мир, окружающий нас – темный лес, а сад, и не просто сад, а сад, доставляющий радость Самому Богу, полный красоты, чудесных плодов и ароматов, место, где Бог желает быть всем Своим существом. Мы лишь должны пробиться сквозь шипы, скорлупу и шелуху, чтобы открыть плод».

Ребе Леви-Ицхак Шнеерсон

– Подумай над этими мудрыми словами великого ребе, Додик. Эти слова должны осветить твой путь к Творцу. Поверь: отдавая, человек получает во много раз больше. И тогда он имеет большой дом на Слободке, красавицу жену и много денег, если к тому моменту количество денег для тебя останется важным, – добавил, улыбнувшись, Оскар-Ушер.

Сарра искренне благодарила добрых людей за поддержку, Эллочка сладко спала в маленькой детской кроватке у печи, в которой Сарра пекла халы к шаббату, раздавала людям в благодарность за помощь. Размер халы понемногу уменьшался. Трудные времена наступали на пятки. Праздновать субботу от недели к неделе становилось всё сложнее, опаснее. Независимо от национальности, над каждой головой, пытающейся сохранять национальные традиции, висел топор, ухмыляющийся грозной гримасой. В остро наточенной, зеркальной поверхности лезвия отражался животный ужас простых граждан страны. Дни тянулись пережеванной жвачкой, сегодня прилеплялось к вчерашнему дню, завтрашний цеплялся за сегодня. Дни тонкими ручейками втекали в недели, недели реками соединялись в месяцы, те, в свою очередь, мощными потоками сливались в годы.

Через три года, хмурой, промозглой ноябрьской ночью волки завыли, залязгали острыми, злобными зубами. Во дворе остановился чёрный воронок.

Все знали, что означает чёрный воронок. Все до удушливых спазмов в горле боялись его. Все стыдливо радовались, опуская вниз глаза, что не к ним. На этот раз – к соседям. Благодарили Господа.

Бог для иудеев, христиан и мусульман ЕДИН. Город моментально посерел, осунулся, погрузнел. Самый веселый на всём белом свете город стал тусклым, тихим. Сердца одесситов сжимались от безрадостной, тоскливой действительности. Смех всё реже звучал на одесских улицах. Опустили люди головы, втянули плечи под тяжким бременем всепоглощающего страха. Труд отделил человека от животных. Перевоплощение заняло довольно длительный, сложный период. Страх легко может превратить ещё вчера нормального мужчину, ещё вчера уверенную в себе женщину – в животное. На это мероприятие уходит от одного до трёх дней. Но были светлые люди, наполненные силой духа. Сломать невозможно, можно только убить.

Во дворе остановился чёрный воронок, из него выскочило пять человек в коже. Слуги дьявола поднялись на третий этаж, постучали кулачищами в хлипкую дверь. Отворили сразу же. Хозяева квартиры были готовы, ждали их. Раввина, чистой души человека, арестовали. Приговор: «без права переписки». «Без права переписки» – чёрный символ, означающий смерть. Смерть и никаких других вариантов. Одним везло, смерть приходила почти сразу. Другим не везло. Умирали после невероятно долгих, изощрённых, бесчеловечных, выдавливающих жизнь по каплям, пыток.

Из всех щелей повылазила погань, нелюди с мелкими подлыми душонками. Находили себе подобных, объединялись в отряды НКВД. Сталин, основываясь на изобретении Ивана Грозного – опричнине, создал орган борьбы с преступностью и поддержания общественного порядка.

«Расстрел без суда и следствия» – фраза стала обыденным делом для советской действительности. Подвалы НКВД, застенки адского жерла находились в Одессе на улице Маразлиевской, в доме 34А. Там в 1921 году лично пытал и собственноручно убивал великий посланец преисподней Феликс Дзержинский. Его методы оставались популярными долгие годы. Один лихой последователь Феликса Эдмундовича в 1935 году расстрелял в Одессе за один **календарный день 150 врагов народа.**

Оскар-Ушер, святой человек, осознавал – дни его сочтены. Почти ежедневные избиения, непонятно за что, неизвестно почему.

Гневные крики:

– Кому, ты, жидовская морда, передавал сведения?

– Кто был твоим сообщником?

Какие сведения? Какие сообщники? У мирного, набожного раввина? Боль, сильная боль,